

K 564
c-3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НОВОЕ
В АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
Ленинградское отделение

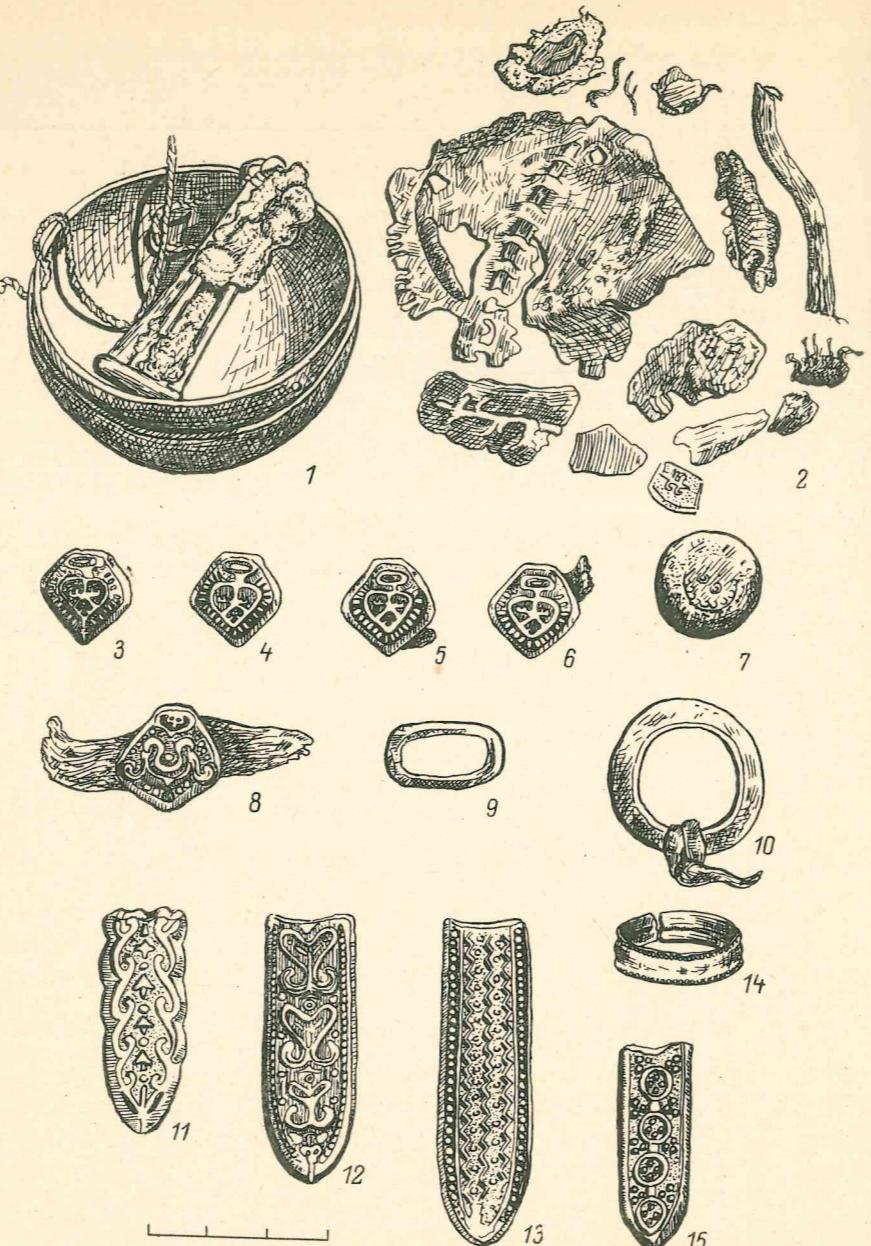

Рис. 2. Вещевой инвентарь из погребения в кургане 4.
1 — складные весы; 2 — футляр для весов; 3—6, 8—13, 15 — поясной набор; 7 — гирька; 14 — перстень

уникально. Вероятно, в устье р. Псиж находилось торгово-ремесленное поселение.

Важнейшим торговым перекрестком в эпоху средневековья являлся Новгород. Здесь сходились пути «из варяг в греки» и волжский [Носов, 1976, с. 98]. Однако чтобы попасть от истока Волхова на Днепр или Волгу, необходимо было преодолеть мелководное, но бурное озеро Ильмень. Даже в XVIII—XIX вв. плаванье по нему считалось настолько трудным, что опасности всего лишь десятикилометрового пути от устья р. Мсты к истоку Волхова заставили русское правительство затратить большие средства на строительство двух обводных каналов — Сиверсова и Вишерского.

Неизмеримо труднее было плаванье в древности, когда для того, чтобы попасть на реки Ловать или Полу, требовалось пересечь все озеро. Естественно,

чтобы уменьшить опасность, использовалась любая возможность. Так, в частности, по рекам Прость и Веряжа на протяжении примерно 30 км плыли параллельно северо-западному берегу озера. Именно этим путем добирался от устья р. Шелони в Новгород в 1662 г. австрийский посол Мейерберг. От устья р. Веряжи путь поворачивал на юг, через залив, образуемый впадением р. Шелони в оз. Ильмень, и далее вдоль низкой прибрежной равнины. Начиная от Коростыни, характер берегов резко меняется. Выходы коренных пород (так называемый Ильменский глинт) образуют отвесный известняковый обрыв, порой достигающий высоты 16 м. В весенний период вода подходит к самому его основанию, что исключает возможность пристать к берегу во время бури. Единственное удобное место для стоянки — устье р. Псиж, где в древности многие суда, вероятно, пережидали ненастья или производили ремонт.

В пунктах, связанных с международной торговлей, нередко возникали торгово-ремесленные поселения, для которых характерно присутствие пришлых этнических элементов [Горюнова, 1978, с. 140, 147]. В этой связи интересна керамика из кургана 2, представленная двумя сосудами. Тонкостенные горшки были изготовлены из глины с примесью мелкого песка. Один из сосудов по форме вполне обычен для керамики Новгородской земли XI в.; другой, биконический, редкой для Северо-Запада формы, богато орнаментированный, напоминает по стилю керамику из раннегородских центров южнобалтийского побережья (рис. 1, II).

Богатые находки из кургана 4, необычная керамика — все это говорит о том, что население поселка в устье р. Псиж было связано с обслуживанием торгового пути. Однако для проверки наших предположений необходимы новые планомерные раскопки.

Горюнова В. М. Поселок ремесленников на Ловати. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, вып. 2, с. 140—148.

Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. Набор литейных форм для украшений X в. — В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981, с. 105—113.

Ершевский Б. Д. Ильменские курганы. — В кн.: Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 17.

Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца XIII—X в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. 8, с. 95—110.

Седов В. В. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 87—95.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981, 196 с.

Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, т. 20, 124 с.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — МИА, 1949, № 11, с. 7—102.

Успенская А. В. Погребение купца на древнем Селигерском пути. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 39, 40.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. 207 с.

Н. И. Платонова

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

(К ВОПРОСУ О СЕЛЬСКОМ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ)

В системе источников по истории северной деревни — письменных, археологических, этнографических — материалы из раскопок селищ XI—XIII вв. занимают очень скромное место. Памятники этого типа на Северо-Западе почти не исследованы [Рашпопорт, 1975, с. 62—67, 94—111]. Представления о застройке сел Верхней Руси сложились на основе изучения домостроительства городов и городищ с учетом результатов ретроспективного анализа писцовых

книг и актов XIV—XVI вв. Комплекс названных источников позволяет сделать заключение о преимущественно наземном характере застройки сельских поселений Северо-Запада. Однако привлечение аналогий из области городского домостроительства требует осмотрительности в выводах.

Средневековая деревенская, городская и крепостная застройки имели каждая свою специфику. На материалах XVI—XVII вв. отчетливо видны различия в планировке, строительных приемах и типах построек малодворных деревень по сравнению с городами и укрепленными городками [Чечулин, 1893, с. 299; Шенников, 1977, с. 11]. Целый ряд факторов, обусловивших эту специфику позднего средневековья, появился уже в древнерусское время.

Сравнительное постоянство планировки городских дворов обусловлено теснотой застройки и стабильностью обитания на освоенных участках. Здесь были труднее осуществимы перепланировки, заброс и перенесение дворов, характерные для деревни. Усадебные постройки последовательно возобновлялись на прежних местах. Это способствовало быстрому накоплению культурного слоя. Рытье котлованов для строительства жилья — в рыхлом грунте, насыщенном строительными остатками, логически не оправдано. Повышенная влажность почвы, характерная для городов Верхней Руси, также ему препятствовала.

Таким образом, теснота городской и крепостной застройки по сравнению с сельской не благоприятствовала сохранению традиций углубленного домостроительства. В то же время на селище Перынь близ Новгорода они дожили до XIII в. [Седов, 1956, с. 108]. Раскопки Г. С. Лебедева в Городе под Лугой выявили остатки углубленных жилищ X—XI вв. Часть их относится ко времени до сооружения крепостного вала. Окончательная смена полуземлянок наземными постройками произошла к XII в. [Лебедев, 1973, с. 73—75; Платонова, 1982, с. 50—54].

По-видимому, следует согласиться с А. В. Успенской, предположившей одновременное бытование углубленных и наземных жилищ на селищах Северо-Запада в древнерусское время. Вопрос о преобладании того или иного типа застройки исследовательница оставила открытым [Успенская, 1968, с. 199]. В настоящий момент необходимы дальнейшие исследования и ввод в научный оборот новых материалов по истории сельского домостроительства. Поэтому представляют интерес результаты раскопок Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР на селищах I—IV у д. Удрай Новгородской области.

Указанные поселения расположены гнездами, по два по обоим берегам р. Удрайки, правого притока Луги в ее верхнем течении. В пределах одного гнезда селища стоят друг от друга на 250—300 м. Расстояние между гнездами около 2 км. Исследованный участок селища I (172 м^2) освоен на рубеже X—XI вв., и заброшен не позже последней четверти XI в., судя по находкам односторонних костяных гребней в наиболее поздних комплексах с гончарной керамикой [Колчин, 1982, с. 166].

В северной части раскопа на уровне материка было расчищено подпрямоугольное (около $4 \times 6 \text{ м}^2$) пятно темно-серого гумуса с глинистыми включениями. В центре его на поверхности отчетливо выступал угол. К этому пятну примыкало, соединяясь с ним «перешейком», второе, размером около $2 \times 2 \text{ м}^2$ (рис. 1, 1). Кое-где в заполнении их проступали валуны.

В процессе расчистки выяснилось, что пятна перекрывали две ямы, составлявшие, несомненно, единый комплекс (рис. 1). Яма 2 глубиной 0.2 м представляла собой основание печи-каменки, вырезанное в материке и заполненное крупным и мелким булыжником. Это не делало печной под углубленным. Напротив, он был слегка приподнят над материки. Об этом свидетельствуют отдельные валуны, выступающие из ямы на 10—20 см, что было бы невозможно, если бы под находился на уровне ее материких краев. По-видимому, сооружение каменной подкладки имело целью улучшить обогревательные качества печи, поскольку раскаленные камни долго сохраняют тепло. В свете этого представляется маловероятным, что печь находилась вне жилища или примыкала к нему снаружи. Следует иметь в виду, что напластования, связанные с постройкой, сохранились исключительно в ямах и западинах материка. Поэтому можно предположить, что в действительности к печи с юга примыкала

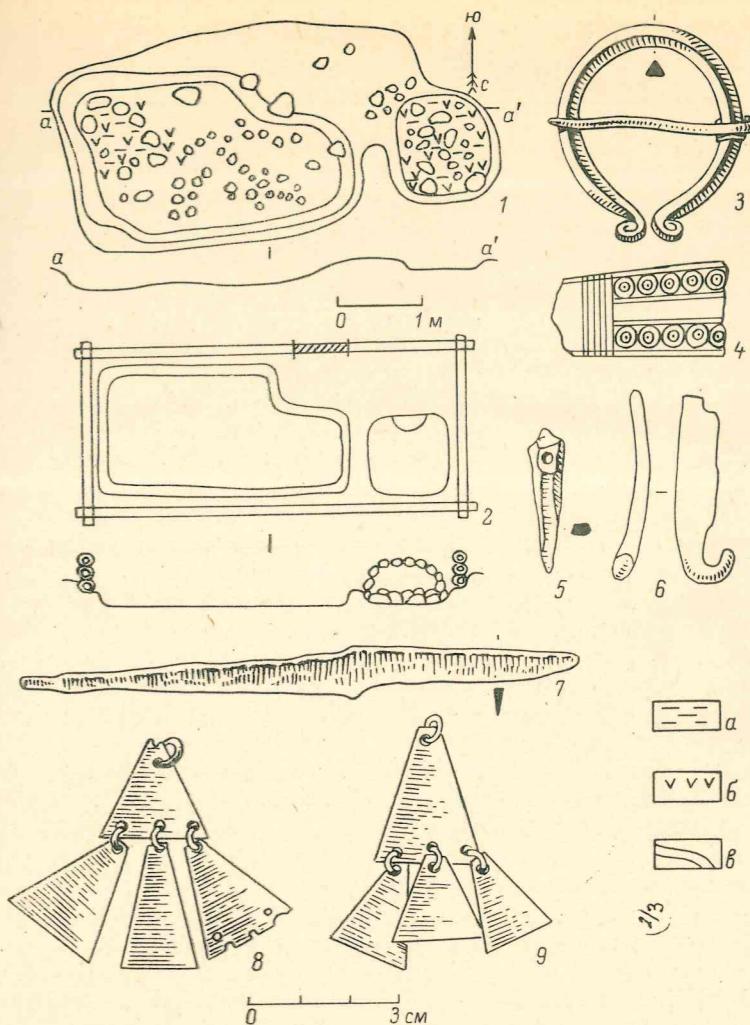

Рис. 1. Углубленная постройка на селище Удрай I.

1 — план и профиль углубленной части постройки; 2 — вариант реконструкции плана жилища; 3—9 — вещи из заполнения постройки (3, 8, 9 — бронза, 4, 5 — кость, 6, 7 — железо). а — глина; б — уголь; в — ямы.

вырезанная в материевой глине возвышенная площадка, культурный слой над которой был уничтожен распашкой. Восточная часть этой площадки заходила углом в жилую камеру (яму 1), образуя приступку, соответствующую, по-видимому, входу (рис. 1, 2). Аналогичные приступки прослежены в ряде углубленных построек в Ярополче Залесском [Седова, 1978, с. 53] и являются вполне логичной конструктивной деталью. Легкое понижение материевой поверхности приступки к центру ямы способствовало тому, что над ней сохранилось тонкое пятно непотревоженного слоя.

Как по краям, так и внутри ямы 1 отсутствовали следы столбовых опор. Это заставляет предположить срубную конструкцию, опирающуюся на материевые края котлована. Аналогичный строительный прием прослежен для полуземлянок в Перыни [Седов, 1956, с. 108]. Вероятно, на те же материевые уступы опирались края лавок или полатей. Расстояние от краев котлована до бревенчатых стен предположительно составляло 0.2—0.4 м. С учетом этого общие размеры постройки следует реконструировать как $9 \times 4.5 \text{ м}^2$ (рис. 1, 2). Глубина жилой камеры от поверхности материка около 0.3 м. Уголь, наблюдавшийся в центре ямы 1 в верхней части заполнения, представлял собой тонкую линзу, не имевшую отношения к постройке и перекрывавшую ее. По-

видимому, такая прослойка связана с впускной ямкой-очагом, вырытой в заполнении жилища, когда оно уже не функционировало. Она прекрасно прослеживается в разрезе. Аналогичный очажок зафиксирован в 3 м за пределами постройки. Очевидно, перед нами остатки летних кухонь, хорошо известных в этнографии [Шенников, 1977, с. 14].

Находки, встреченные в заполнении полуземлянки, носят бытовой характер и не указывают отчетливо ни на какую хозяйственную функцию. Это бронзовая спиралеконечная пряжка, обломок гребня, костяное игловидное острое для работы с кожей или лубом, трапециевидные подвески, нож, оселки (рис. 1, 3—9).

Участок, вскрытый на селище II (210 м^2), к XIII—XIV вв. был целиком перекрыт погребениями. Однако двор перенесли отсюда раньше. Исследованный комплекс датируется не позже конца XI—начала XII в. и включает паралыник без плечиков, обломок сошника тип 1 [Чернецов, 1976, с. 34] и нож группы 1 [Минасян, 1980, с. 69] (рис. 2). Углубленная часть постройки также состоит из двух ям (рис. 2, 1). Заполнение ямы 1 в отличие от ямы 2 насыщено углем и колотым камнем. Аморфная форма котлованов затрудняет реконструкцию, однако находки указывают скорее на подсобный, а не на жилой характер постройки. Отопительное сооружение в круглой ямке напоминает очажок. Он расположен у стены, ближней к соседнему котловану, в котором сохранились следы каких-то приспособлений в виде столбиков и горизонтально расположенных плах (?). Примитивность очага, его заглубление в землю и характер инвентаря можно объяснить тем, что перед нами постройка типа одноэтажного овина, где «ямник» — помещение с костром или углубленной печью — сообщается пазухой с помещением для сушки снопов [Данилин, 1929, с. 89; Толстов, 1929, с. 82]. Тогда понятна и двухчастность постройки при малых размерах обоих котлованов. Разумеется, это предположение еще нельзя считать полностью доказанным.

На селищах III и IV не было обнаружено углубленных построек. Исследованные участки составляют здесь 196 и 184 м^2 (соответственно). В пределы раскопа на селище III вошла, по-видимому, незастроенная часть двора. Лишь в южной части его зафиксировано несколько столбовых ям от находящейся сюда углом наземной постройки. Раскоп разбит точно над обширной, но неглубокой (до 0.3 м) естественной западиной в материке. Культурный слой в западине начал откладываться в XI в. (обломок одностороннего гребня, бусина с рельефными глазками). Окончательное же ее заполнение темно-коричневым слоем, насыщенным углем и жженым камнем, произошло, очевидно, на рубеже XII—XIII вв. в результате выравнивания территории двора после пожара. Вещевой материал из раскопа очень богат и включает двусторонние цельные гребни, пряжки, бусы, височные кольца, ножи, ключи, прядлицы, серебряный энколпцион с бронзовой инкрустацией и т. д.

На селище IV исследован участок двора с легкой наземной застройкой. На нем зафиксировано около полутора десятков столбовых ямок диаметром 15 — 25 см . По-видимому, это следы угловых столбов небольших прямоугольных навесов или загородок, тесное расположение которых свидетельствует о разновременности бытования. Помимо того, на селище исследован ряд ям с мелкими камнями и включениями угля в заполнении. Некоторые из них, возможно, представляют собой остатки очажков или печей, но в значительной части это случайные западины, где скопился культурный слой в результате выравнивания территории двора. Единичные предметы (ягодовидная сердоликовая бусина) указывают на то, что участок был освоен не позже XI в. Жизнь на нем продолжалась в XII—XIII вв., о чем свидетельствуют находки шиферных прядлиц, кресто-тельника и бубенчика с линейной прорезью. Следов построек, которые можно достоверно квалифицировать как жилые, в раскопе не обнаружено.

Таким образом, исследованиями на селищах у д. Удрай подтверждается бытование на Северо-Западе в XI в. полуземляночных жилищ. Одновременно во дворах присутствовали сооружения в виде навесов или легких столбовых построек и открытые очаги. Отдельные хозяйствственные помещения имели углубленную часть. Дальнейшие исследования покажут, являлся ли зафиксированный тип полуземлянки массовым и каково было его процентное соотношение с жилой наземной застройкой на селищах.

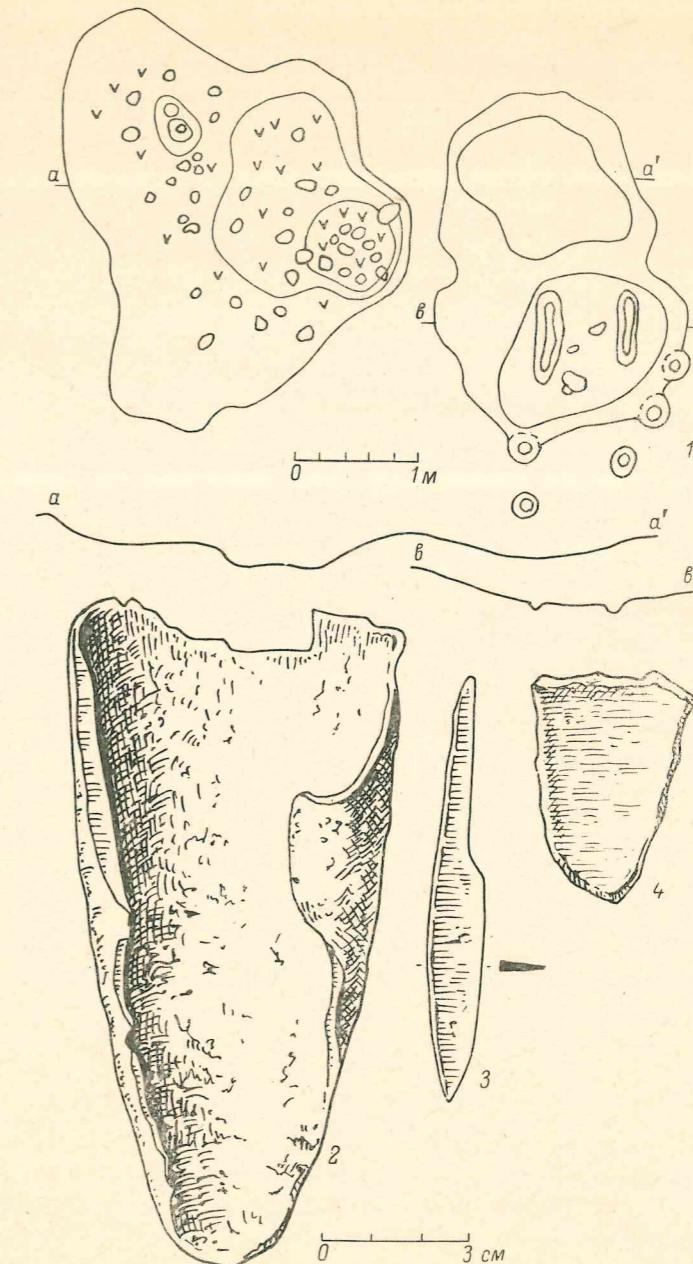

Рис. 2. Углубленная постройка на селище Удрай II.
1 — план и профили; 2—4 — вещи из заполнения постройки (железо).

Следует особо отметить непродолжительность жизни на исследованных поселениях I и II. Заброс участков происходил спустя всего несколько десятилетий со времени их освоения. Перенесение дворов, по-видимому, осуществлялось в пределах ближайшей округи, так как захоронения на могильниках, расположенных в тесном соседстве с селищами, не прекращались вплоть до XIV в. Вероятно, однодворные или малодворные деревни, соответствовавшие этим селищам, периодически меняли место своего расположения. Их дальнейший поиск и фиксация в пределах выявленных «гнезд» несомненно позволят уточнить целый ряд интересных деталей, касающихся истории сельского населения в Древней Руси.

- Данилин А. Г. Овны Центральной промышленной области. — В кн.: Культура и быт населения ЦПО. М., 1929, с. 89, 90.
- Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 156—177.
- Лебедев Г. С. Городец под Лугой: (предварительное сообщение). — КСИА, 1973, вып. 135, с. 72—76.
- Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья. — АСГЭ, 1980, вып. 21, с. 68—74.
- Платонова (Залевская) Н. И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 49—54.
- Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, 1975, вып. Е1-32. 168 с.
- Седов В. В. Поселение XII—начала XV в. в Перыни. — КСИИМК, 1956, вып. 62, с. 108—117.
- Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. 155 с.
- Толстов С. П. К этнографической систематике элементов великорусской культуры жилища в Средней России. — В кн.: Культура и быт населения ЦПО. М., 1929, с. 75—88.
- Успенская А. В. Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 194—199.
- Чернцов В. В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 32—36.
- Чечулин Н. Д. Русские деревянные жилые постройки в XVI в. — ЗРАО, 1893, т. 6, с. 297—309.
- Шенников А. А. Крестьянская усадьба Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до XX веков. — В кн.: Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977, с. 3—38.

Е. А. Рябинин

ЖАЛЬНИЧНЫЕ МОГИЛЫ ИЖОРСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Среди погребальных памятников Северо-Западной Руси особое и весьма заметное место занимают жальники — грунтовые могилы с поверхностной каменной обкладкой в виде круга, овала и четырехугольника, иногда отмеченные несколькими отдельно поставленными валунами. Вопрос об их происхождении, распространении, хронологии и этнической принадлежности рассматривался многими дореволюционными и советскими исследователями, однако и в настоящее время он остается в известной степени дискуссионным. Немало спорных моментов связано, в частности, и с изучением жальничного пласта древностей в северной части Водской пятины, где в пределах Ижорской возвышенности зафиксировано одно из наиболее крупных скоплений средневековых погребальных памятников.

А. А. Спицын, базируясь на материалах раскопок В. Н. Глазова в прилегающем к Ижорскому плато регионе так называемых гдовских курганов (Северо-Восточное Причудье), пришел к выводу об эволюционной связи курганов и жальников в северных районах Новгородчины: «По мере того как становятся глубже погребальные ямы и увеличиваются размеры камней, входящих в состав ограждений, курганные насыпи все более и более теряют свое значение, опадают все ниже и ниже, пока не делаются столь низкими и плоскими, что едва выполняют вместимость каменного ограждения; к концу XIII в. вырождение курганных насыпей уже завершается. XIV и XV вв. — время расцвета жальничных погребений» [Спицын, 1903, с. 14, 16].

В ходе широких раскопок средневековых памятников, осуществленных во второй половине XIX в. Л. К. Ивановским на Ижорском плато, было вскрыто не менее 5000 погребальных комплексов. Крайне скучная полевая документация затрудняет, а в целом ряде случаев и не позволяет определить характер исследованных объектов. Первый систематизатор материалов «петербургских курганов», основываясь на полевых журналах Л. К. Ивановского, отметил лишь, что в некоторых группах с насыпями XIII—XIV вв. встречаются и жальничные могилы, причем ранняя разновидность последних (неглубокие грунтовые могилы с широкой и низкой земляной насыпью, окруженные кольцом из валунов) если и представлена, то в крайне незначительном количестве. Очевидно, писал А. А. Спицын, перерождение курганов в жальники вряд ли произошло в этом районе; отмеченные в отчетах Л. К. Ивановского «клетки» —

поздние жальничные могилы с овальной и четырехугольной обкладкой — зафиксированы только в 6 некрополях из 127 [Спицын, 1896, с. 39, 40].

Мнение о слабой распространенности рассматриваемого типа погребений в Водской земле прочno установилось в археологической литературе. Н. И. Репников, посвятивший специальную работу жальникам Новгородской земли, отмечал, что в зоне раскопок Л. К. Ивановского «они встречены в небольшом, по-видимому, количестве... Получается впечатление, — писал он, — что здесь они явление позднее, случайное и заносное, коренным же осталось курганное» [Репников, 1931, с. 5]. В последнее время мнение о почти полном отсутствии жальников на рассматриваемой территории высказывалось В. В. Седовым [Седов, 1971, с. 301]. «На Ижорском плато жальничных могильников мало», — констатировал в 1982 г. Г. Н. Пронин [Пронин, 1982, с. 36]. По заключению этого автора, традиция сооружения жальников на Ижорском плато проникла из района Псковского и Чудского озер и Верхнего Полужья; их генетическая преемственность с курганами, окруженными кольцом из валунов, отрицается.

Существующие археологические материалы не позволяют согласиться ни с тезисом о случайном и заносном характере жальничных погребений Ижорской возвышенности, ни с выводом (во всяком случае, применительно к рассматриваемому региону. — Е. Р.) об отсутствии эволюционной связи жальников с предшествующими курганными традициями. К сожалению, многие могильники, раскопанные Л. К. Ивановским (без удовлетворительной фиксации), не сохранились, и поэтому сейчас трудно определить точный удельный вес жальничных комплексов в системе погребальных сооружений Водской земли. По данным палеоэтнологического обследования Ленинградской области, осуществленного в конце 1920-х—начале 1930-х гг. [Отчет. . ., д. 105 (1927 г.) л. 4—23; д. 108 (1927 г.), л. 9—26; д. 113 (1934 г.), л. 1—3], и материалам работ Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР, проведенных под руководством автора этой статьи в 1971—1980 гг., на Ижорском плато насчитывается не менее 43 средневековых кладбищ, содержащих жальничные могилы. Эта цифра, разумеется, крайне занижена (в нее не входят сведения о жальниках, имеющие лишь предположительный характер), но и она, на наш взгляд, достаточно ярко характеризует распространение жальничного обряда в северной части Водской пятины.

Могильники, состоящие только из жальничных могил или с преобладанием последних, на изучаемой территории почти не представлены. Обычно такие погребения занимают периферийную часть курганных некрополей, изредка располагаясь и на свободных участках между курганными насыпями. Во внутренней топографии погребальных памятников нашла свое отчетливое выражение эволюционная линия развития средневекового обряда в Водской земле — от курганов, основная часть которых имеет каменную кольцевую обкладку, к грунтовым могилам жальничного типа. Местное происхождение последних устанавливается и на материалах раскопок, предпринятых в предшествующее десятилетие Ижорской экспедицией ЛОИА АН СССР.

Исследование жальников, локализованных на периферии могильного поля, было проведено нами в могильниках у деревень Фьюнатово (Гатчинский р-н Ленинградской обл.), Горки Первые, Плещевицы и Беседа (Волосовский р-н Ленинградской обл.). Такие работы имели ограниченный характер и преследовали прежде всего цель изучения особенностей погребального обряда и материальной культуры жальничного пласта погребений [Рябинин, 1976, с. 211—219; 1980, с. 76—82]. В 1978—1980 гг. были предприняты широкие раскопки двух территориально близких курганно-жальничных групп, открытых в Волосовском районе на северо-западной окраине Ижорской возвышенности (группы Теглицы I и Лашковицы I). В ходе этих работ исследованы захоронения, совершенные на разных участках некрополей и фиксирующие развитие обряда на протяжении всего периода существования средневековых кладбищ. В результате удалось проследить процесс постепенного перехода от ингумаций в основании курганных насыпей к трупоположениям в жальничных могилах.

Древнейшую группу погребений в могильниках у деревень Лашковицы и Теглицы составляют захоронения в основаниях курганов, относящиеся к XII—началу XIII в. В XIII в. распространяются курганы с трупоположениями в не-